

АЛАНО-ОСЕТИНСКИЕ ФЫНГИ И НАРТОВСКИЙ ЭПОС

А.А. Туаллагов

Статья посвящена анализу образа традиционного столика (фынг) в материалах Нартовского эпоса осетин. Актуальность рассматриваемой проблемы определяется наличием изданного обширного корпуса нартовских сказаний. Данное положение позволяет, с одной стороны, вывести в полном объеме характерные признаки данного объекта, а, с другой стороны, сопоставить их с данными археологии и этнографии. Научная новизна работы состоит в междисциплинарном подходе к исследованию, который обеспечивается, в том числе, впервые привлекаемыми к анализу материалами. Цель исследования состоит в выявлении волшебных и объективных конструктивных особенностей столиков как предметов быта в сопоставлении с реальными столиками алан и генетически связанными с ними столиками осетин. При проведении исследования применялись методы текстуального исследования источников, описательный, типологический и сравнительный методы исследования при фотофиксации изучаемых объектов, индуктивного и логического анализа на основе принципа историзма и системности изложения.

В ходе исследования определилось наличие в эпосе двух видов представлений о предмете. Первый наделяет его волшебными свойствами самостоятельного передвижения и предоставления угощения при возможности повышения значимости предмета за счет приписывания ему изготовления из драгоценных металлов. Второй воспроизводит формы и конструктивные детали предмета, надежно сопоставимые с этнографическими и археологическими образцами. Возможно, отдельные из таких деталей послужили поводом к рождению представлений о некоторых волшебных способностях столика. Кроме того, археологические материалы предоставляют показательные примеры использования определенных типов древесины при изготовлении столов. Отмечаемые в научных изданиях попытки трактовать образ столика с мифологической позиции за счет символизма форм и чисел, представляется, как минимум, преждевременными.

Ключевые слова: *деревянные столики, археологические и фольклорные данные, аланы, осетины.*

... и норови везде
 лечь головою в угол, ибо в углу трудней
 взмахнуть – притом в темноте – топором над ней,
 отяжелевшей от давеча выпитого, и аккурат
 зарубить тебя насмерть. Вписывай круг в квадрат.
Иосиф Бродский. Назидание

Небольшие осетинские столики с круглой столешницей и на трех съемных ножках (фынг/фингæ), как основной тип столика, имели в прошлом самое большое распространение и в наше время являются наиболее традиционной формой по представлениям осетин. Некогда такой столик пользовался особым почетом в каждом доме. Не удивительно, что его образ неоднократно представлен в фольклорно-этнографическом наследии народа, включая Нартовский эпос.

В эпосе выделяется два вида представлений его образа. Первый рассматривает его как чудесный, волшебный предмет особой ценности. Такой фынг бывает целиком золотым – «сыгъзæрин/сызгъæрин фынг» [1, 59, 277; 2, 124], что диктуется осознанием особой сакральной и материальной значимости и ценности металла. Другие столики обладают способностью самостоятельно двигаться [3, 207, 492; 4, 721–722]. Данные представления переносятся и в этнографическую область. Так, участникам осетинского застолья не позволялось одновременно покидать стол. В случае необходимости ведения хотя бы части застолья при вставании его участников, один из участников застолья обязательно оставался сидеть. Правило объясняется тем, что стол мог обидеться за такое отношение к нему и убежать.

В дополнение к тому они сами накрывают угощение – «хæдисгæ фынг» – «самобранка фынг» [4, 455, 460]. Такой стол представляется как «хуæдзелгæ фингæ» – «самовертящийся фингæ» [3, 327], «зилгæ фынг» – «вертящийся фынг» [4, 476], чье чудесное вращение может диктоваться образом его круглой столешницы. Реже чудесные способности относятся не к самому столу, а к его скатерти – «фынгæмбæрзæн» – «фынга скатерть» [1, 50]. Такие столы – «хуæдзелгæ фингитæ» – стоят перед покойниками в Раю [4, 543]. Другие столики стоят перед умершими в Стране мертвых, и на них появляется все, что им посвятили живые [4, 526]. Необычный стол с тремя кусками мяса, каждый из которых сразу возобновляется, как только его съедают, также стоит в Стране мертвых [4, 534].

Чудесное накрывание стола может производиться за счет определенных дополнительных действий: молитвой к Богу [3, 367]; ударом войлочной плетью [5, 217], фигурирующей и в других сказаниях, производя так волшебные превращения; поворотом ножки стола [1, 135]. Последнее дей-

ствие соотносится с реальной конструкцией осетинских столиков – съемные ножки. Причем, возможность повернуть ножку может определяться круглым пазом для вставки ножки и круглым шпеньком самой ножки.

Закономерно проявляющаяся в образах волшебных столиков конструкция реального столика – круглая столешница и съемные ножки – отсылает ко второму виду представления столика как предмета домашнего быта. Он обязательно «трехногий фынг» – «æртæкъахыг/æртыкъахыг фынг» [1, 48, 73, 158, 306], «æртикъахуг фынгæ» [3, 190], что представлено и в текстах на русском языке [5, 432]. Его трехногость отмечена небожителями в форме осетинской поговорки: «Фынг æртæ къахыл лæууы...» [1, 73].

Столик может быть «трехногим широким фынгом» – «æртæкъахыг пæлæхсар фынг» [3, 28], что говорит о его более широкой столешнице, чем у большинства столиков. Данная характеристика присутствует и в определении «ыстыр фынг» – «большой фынг» [2, 47, 108]. Представлена и соответствующая метонимия – «къахджын» – «с ножками» [3, 211].

Форма столешницы определяет и характеристику столика как «круглый фынг» – «тымбыл фынг» [3, 422; 4, 121, 176, 183, 473; 1, 35], «тумбул фынгæ» [3, 178; 4, 394, 396; 5, 357; 6, 201]. Представлено и важное определение «тæпæн тулдз фынг» – «плоский дубовый фынг» [2, 142]. Здесь мы имеем редкий случай определения материала изготовления столика – дуб. Кроме того, определение «плоский» относится к форме столешницы, которая могла быть еще и в форме различной глубины чаши или плоской столешницы с различной высоты бортиком.

В эпосе упоминаются и другие виды осетинских столиков. Например, фигурирует «дынджыр фынг, кусартгæнæн фынг» – «большой фынг, для жертвоприношения фынг» [4, 582], «кусартгæнæн фынг» [2, 364]. Такие столы обычно имели подпрямоугольные большие столешницы и четыре ножки. Как отмечали еще в XIX в. собиратели осетинских сказаний, трехногие столики в торжественных мероприятиях заменялись столами наподобие скамьи с четырьмя и тремя ножками [4, 860–861], что диктовалось их большей функциональностью в таких случаях. Именно такие столы в соответствующей ситуации представлены и в эпосе – «дартгъ фынгæ» – «длинный фынгæ» [6, 22] или «уæзбун фынгитæ» – «тяжелые столы» [5, 356].

Сегодня есть определенная возможность сопоставить характеристики эпических столиков со столиками, представленными в аланских древностях, с которыми генетически связаны осетинские образцы. Так, «дынджыр фынг, кусартгæнæн фынг», зафиксированный, например, в виде деревянного трехногого стола с прямоугольной столешницей в с. Галиат [7, 93, таб. 48, 8], сопоставим с большими каменными столами в виде больших

каменных плит, установленных на три камня-ножки (рис. 1), святилища раннесредневекового аланского Кяфарского городища [8, 62–63]. Их непосредственно сопоставляли с плитами-столами карачаевцев для заклания баранов [9, 183].

Рис. 1. Стол-жертвенник Кяфарского городища

Известны два столика из катакомбы XI Архонского могильника, датируемой серединой VIII–IX вв., по одному столику из катакомбы № 8 могильника Кольцо-гора 1 конца XI – первой половины XII вв., из катакомб №№ 48 и 52 могильника Рим-гора X–XII вв., из катакомбы Хасаутского могильника, из катакомб № 1 Даргавсского могильника второй половины IX – середины X вв. или конца IX–X вв. и № 72 того же могильника. К сожалению, архонские находки остаются без своего точного описания. Находки из могильников Кольцо-гора 1, Рим-гора и Хасаут имеют разной степени полноты описания, графическую фиксацию и реконструкции. Только даргавские образцы получили исчерпывающую фиксацию.

Все данные столики были «æртæкъахыг/æртыкъахыг/æртикъахуг» и «тымбыл/тумбул». Диаметр их столешниц варьировался от ~30 см до ~40 см, что, с одной стороны, подтверждает общие небольшие размеры столиков, а с другой – указывает на фактическое различие, которое может в эпосе корреспондироваться с определениями «ыстыр» и «пæлæхсар» как сопоставительными. Столики из могильника Рим-гора были дубовыми, что соотносится с определением «тъæпæн тулдз фынг» – «плоский дубовый фынг». Плоскость столешницы такого столика предполагается в реконструкции образца из могильника Кольцо-гора 1. Столешницы образцов из Даргавсского могильника имели немного вогнутую форму, если только здесь не сказалась последующая деформация. Столики из могильника Рим-гора имели форму чаш. Таким образом, представлено то же разнообразие форм столешниц, как и у осетинских

столиков. Столик из могильника Кольцо-гора 1 имел сквозные круглые пазы в столешнице, что напоминает о поворачивании ножки у столика из эпоса.

Особый интерес привлекает к себе нартовская «Песнь о нарте Ацамазе». Она в стихотворной форме была записана на дигорском диалекте в 1900 г. в с. Дур-Дур М.С. Тугановым от Сослана Кубатиева, а затем дополнялась за счет вариантов других дигорских сказителей [10, 41] вплоть до марта 1902 г. Издание на иронском диалекте сопровождалось несколько некорректным воспроизведением сведений о самой записи [2, 502]. В песне перед каждым небожителем выставляется круглый столик – «тумбул фингæ» [5, 357]. Столики описываются как «æвзестин къæхтæ зурнæ-фингитæ» [5, 356] – «с серебряными ножками точеные столы». В переложении для издания на иронском диалекте столики представлены как «зырнæйзылд фынгтæ, æвзисткъахджынтæ» [2, 274].

Несомненно, серебряные ножки, как и в случае с «сыгъзæрин/сызгъæрин фынг», определяются желанием представить исключительность предмета за счет особой сакральной и материальной значимости и ценности металла. Но серебряными являются только ножки, т.е. часть предмета, что в самом сказании имеет параллели с повозкой небожителей с «æвзестæ арæ» [5, 357] – «серебряная оглобля (дышло)».

Подтверждением такого положения могут быть и другие осетинские представления о Стране мертвых. Там перед неправедно судившими при жизни судьями стоят столики изо льда или из ольхи (ошибочный перевод «осиновые» [11, 329] – А. Т.), а перед праведно судившими – столики из серебра или золота [11, 155, 59, 163, 164, 170, 174, 175, 312, 314, 318, 322, 323, 329, 333, 334]. Золотой столик стоит в небесном золотом доме Бога [12, 389].

Показательно и противопоставление по использованной древесине. В эпосе ольха проклинается Сосланом как самое плохое и малоценное дерево [4, 589, 653, 657, 661, 778], что находит свою фиксацию и в осетинских пословицах [13, 159]. Если дубовый столик имеет свою положительную ассоциацию, соответствующую использованию твердых пород для изготовления мебели (дуб, карагач, клен, ясень), непосредственно столиков [14, 138], на изготовление которых шел карагач, реже ясень или бук [15, 259], то ольха явно связана с отрицательной ассоциацией. Причем, сделанными из ольхи предстают и другие окружающие неправедных судей предметы, включая бокалы [11, 171, 333], для изготовления которых ольха не применялась, т.к. давала горький привкус напиткам [16, 114-115].

Интересно, что в катакомбе №7 (60) могильника Рим-гора представлено блюдо-поднос – столешница на четырех стационарных ножках, вырезанных из единого куска дерева. Такие образцы встречаются и в других аланских погребениях, в том числе в одном погребальном комплексе со столиками. Известны они и в неаланских памятниках, представляя собой кросскультурное явление. Распространение на них в исследовательских работах определения «фынг» явно ошибочно [17, 39-52]. Рим-горский образец вырезан из ивы или ольхи, что на фоне дубовых столиков из того же могильника наглядно понижает ценность предмета. Кроме того, подносы-блюда по объективным причинам вырезались вручную, а не вытачивались на станке.

«Зурнæ-фингитæ» – «точеные финги» определяются через зурнæ/зырн – «токарный по дереву станок», от зурун/зырын – «кружиться, вертеться», т.е. речь идет о выточенной на токарном станке деревянной столешнице. Таким образом, престижность столика дополнительно определяется его токарным, ремесленным производством. В целом, особая престижность столиков определяется еще и тем, что они поставлены только перед небожителями, тогда как перед нартами ставят множество «уæзбун фингитæ» – «тяжелых столов» [5, 356], что соответствует приводимым выше сведениям об использовании таких столов при массовых торжественных мероприятиях.

Следует обратить внимание на свидетельство С. Кокиева, что второе по престижности место в доме занимал фынг – «точеный столик» [18, 81]. Речь идет о столике главы дома, т.е. и здесь столик токарного производства обладает особой престижностью. С. Кокиев замечал, что столики могли вырезаться на месте, делаться пастухами, но особо искусно вытачивались на станках [18, 82-83]. В домах было по несколько столиков [19, 173], включая и столики для гостей, которые могли быть и резного (домашнего) происхождения. Некоторые авторы утверждали, что столики были только точеные [15, 259], что вызывает сомнение.

Высокая престижность столов токарного производства позволяет по-новому взглянуть не только на осетинские, но и на аланские образцы. Очертания реконструкции столика из катакомбы №48 могильника Рим-гора позволяет предполагать его токарное производство. О токарном изготовлении свидетельствует рисунок столика из Хасаутского могильника по отчету археологического исследования. Бесспорным является токарное изготовление столика из катакомбы №72 Даргавского могильника (рис. 2).

*Рис. 2. Столешица фынга из катакомбы № 72 Даргавского могильника
(оборотная сторона)
(Национальный музей РСО-Алания)*

В контексте таких наблюдений показательным представляется явно токарное изготовление столика из святилища Реком, чья конструкция даже в отдельных конструктивных деталях поразительно близка даргавским образцам. Впервые столик фиксируется в описи 1903 г. [20, 2, 5], а в настоящее время он хранится в фондах Национального музея РСО-Алания, будучи, надо полагать, переданным в него по результату исследования святилища в 1936 г. Е. Г. Пчелиной (рис. 3).

*Рис. 3. Фынг из святилища «Реком» (оборотная сторона)
(Национальный музей РСО-Алания)*

Токарное производство аланских столиков соотносится с подобным производством деревянной посуды, представленной на Северном Кавказе, в том числе в раннесредневековых аланских погребениях и в аланских погребениях салтово-маяцкой культуры. Полагают, что при их производстве использовались токарные станки ротационного действия. Такие образцы известны по материалам Даргавсского и Архонского могильников, а также склепов Дзивгиса, которые представляют собой прямую преемственность от аланской материальной культуры к осетинской этнографической культуре. Само токарное производство имело давние традиции в нашем регионе, включая ту среду, с которой будут прямо связаны раннесредневековые аланы, о чем свидетельствуют материалы из сарматских погребений Заманкульского могильника [21, 126-127, 138, 145-147, 149].

Процесс токарного производства столиков изначально облегчается круглым в разрезе стволом дерева, диктовавшим форму, которая легко обрабатывалась станком. Полагают, что размеры столешницы у алан определялись древней мерой длины – локоть [22, 31]. Такие реальные параметры, обусловленные самим объектом производства и самой большой мерой длины, измерявшейся у осетин рукой (æрмæрин/цæнгæринæ), служат поводом к критическому отношению к попыткам семиотических трактовок осетинского столика через фигурно-числовые понятия. У осетин, как утверждалось, диаметр столиков не превышал ~90 см [15, 259].

Видимо, они были заложены М.С. Тугановым, усмотревшим изображение круга солнца в самом круглом столике, на котором проводились и две концентрические линии [23, 64]. Но круг и линии, представленные на аланских и осетинских образцах, объективно диктуются кругом исходного для изготовления материала и следами токарного производства. Причем, таких кругов и линий на столешнице, на ее основании или самих круглых оснований было различное количество. Круг здесь несколько не ассоциируется с солнцем, но может реализовывать свою форму через представления о волшебном вращении, которое, в свою очередь, инициировано вращением токарного станка, на котором рождался фынг.

Золотые столики в Царстве мертвых и у подземных жителей (дæлимонтæ) также не дают прямой ассоциации металла с солнцем. Заметим, что наличие тех же круговых врезных линий и валиков на обратной стороне столешницы может быть просто техническим приемом придания рельефности поверхности для обеспечения удержания столика рукой или пальцами при переноске, а тем более при подаче его накрытым. Напомним картину подачи Сатаной такого столика, когда она держит его в одной руке [3, 162]. Кроме того, хотя круглые столики были основным

видом, но они нисколько не отменяли использования и трехногих столиков с прямоугольными столешницами (рис. 4).

*Рис. 4. Фынг с прямоугольной столешницей
(Национальный музей Южной Осетии)*

Трактовки числа три, фигуры треугольника никак не отменяют обеспечение тремя точками опора прочную устойчивость предмета, а наличие центрального крепления, вставлявшегося в четвертый срединный паз, на аланских и осетинских столиках противоречит такой числовой и фигурной трактовке. Основная идея прочности установки столика подтверждается простой и вместе с тем очень эффективной системой соединения ножек со столешницей, демонстрируемой даргавским и рекомовским образцами. За счет особой конструкции шпеньков ножек (рис. 5), крепившихся в пазах столешницы колышками, ножки оставались подвижными, что позволяло однообразно широко разводить их, увеличивая устойчивость, или подбирать с той же целью для каждой ножки свой угол разведения, например, на неровной поверхности. Заметим, что такая под-

вижность ножек, могла, например, своеобразно преобразиться в эпосе в образы самодвижущихся на ножках фынгов.

1

2

Рис. 5. Фрагменты ножек фынгов:

- 1. Шпенек ножки фынга из катакомбы № 1 Даргавского могильника;*
- 2. Шпенек ножки и колышек фынга из святилища «Реком»
(Национальный музей РСО-Алания)*

Наличие Т-образной связки ножек или связки, подобной на аланских столиках, но крепившейся без четвертого паза [19, 170], также усложняло фигурную конструкцию. Предложенная трактовка вписанного круга в квадрат оставляет в стороне вероятность использования столиков аланами вне жилища или в жилище не квадратной или прямоугольной формы, когда и осетинское жилище в древнейшей форме могло быть круглым [24, 108-109]. Вписывание круга в лице очага и столика, как маркеров сакрального центра, в прямоугольную форму жилища [25, 117-118] при исторической ретроспекции не учитывает, что в аланских жилых и хозяйственных постройках кроме круглых очагов в центре помещения представлены и прямоугольные угловые очаги [26, 77].

Развитие фигурно-числовых трактовок [25, 110-120; 27, 80-81], к сожалению, не может быть аргументировано на основании анализа самого предмета, а наличие подобных столиков в Минойском Крите, на Древнем Востоке, в Китае, Элладе и т.д. не позволяет выводить единую универсальную семантику столика. Схоластические мифологические трактовки ничего не стоят, как видно из приведенного в эпиграфе призыва «вписывать круг в квадрат». Поэтому вполне понятна та осторожность, с которой предлагались соответствующие трактовки: «Возможно, эти выводы покажутся недостаточно аргументированными или даже спорными» [25, 120]. Как минимум, такие трактовки опережают изучение самого столика как реального предмета.

В частности, нет оснований трактовать трехноготь столиков как символ трехуровневой модели мира [27, 75, 81]. Такая конструкция, обеспечивающая надежную устойчивость, представлена в той же материальной культуре алан в лице металлического треножника для подвешивания котла над костром [28, 41-42, рис. 11, 1]. Причем, подобные треножники встречаются и в хазарских древностях [29, 29-30], что выводит их в нашем случае из сугубо аланского культурного круга. В свою очередь, аланский треножник в своей конструкции имеет параллели в лице треножников-«канделябров» из сарматских и аланских древностей [28, 44-46], как и хазарские образцы [29, 30], что вновь препятствует прямолинейному выводу темы «трех ног» из мифологической модели мира. В традиционном осетинском быту представлены трехногие подсвечники и стулья, что, особенно во втором случае, совершенно невозможно подвергать мифологической трактовке.

Заметим, что сверхъестественные способности столика, представленные в эпосе, несколько не связаны с постулируемыми фигурно-числовыми признаками. Вне эпоса сомигæнæн фингæ – «клятвенный столик», т.е. обычный столик, использовавшийся в ритуале клятвы, назывался именем волшебной нартовской чаши Уациамонгæ [12, 161]. Но и здесь, памятуя о роли Уациамонгæ как выявительницы правды, что важно в случае принесения клятвы, мы не уходим далее образа чаши, с которой связана сама форма части аланских столешниц.

Такая столешница представлена на столике из катакомбы № 48 могильника Рим-гора 1. Причем, на столике стояли деревянные чашки с продуктами. Но сама форма столешницы указывает на то, что она служила посудой. Поэтому выставление на ней другой посуды диктуется включением самого столика в число посвященной покойному еды и кухонной утвари. Заметим, что при фиксации месторасположения столиков в аланских погребениях они находились в головах погребенных, т.е. точно также

как у осетин до похорон у головы покойного выставляется столик, на который кладут понемногу от посвященной ему пищи [30, 38-39, 295].

В погребениях столики четко объединяются с группой посуды. Причем, в катакомбе № 72 Даргавского могильника столик был разобран и прислонен на ребро к стенке камеры, видимо, имитируя подвешивание при обычном хранении, а часть посуды была выставлена на стоявшем на дне четырехножном подносе. Таким образом, мы имеем прямое указание на обычное посвящение столика-фынга покойному вместе с другими кухонными предметами и продуктами, при котором не следует видеть в нем непременно «жертву» или «жертвенник».

Согласно осетинской традиции, покойный наделялся некоторыми продуктами на время его пути в Царство мертвых. Впоследствии посвящаемая покойному еда в самом Царстве мертвых появлялась перед ним на фынге. Возможно, с таким распределением связана постановка продуктов в упоминавшейся катакомбе № 72 Даргавского могильника на блюдо-поднос, когда фынг стоял прислоненным к стене, предназначаясь для служения покойному уже в Царстве мертвых. Интересно, что подобные блюда-подносы, как отмечалось, представлявшие собой кросскультурное явление, этнографически фиксируются у балкарских пастухов (рис. 6), указывая именно на походный характер предмета. Поэтому можно предполагать, что блюда-подносы у алан использовались во время отлучки из дома, тогда как дома использовались фынги. Тогда в аланских погребениях накрытые подносы-блюда предназначались на время перехода покойного в иной мир, а фынги на последующее служение ему в ином мире.

*Рис. 6. Блюдо-поднос балкарских пастухов
(Российский этнографический музей)*

Как аланские, так и генетически напрямую связанные с ними осетинские трехногие столики в различных ситуациях могли выступать в разных ипостасях – просто кухонная мебель, алтарь, жертвенник и т.д. Такой столик мог служить для простого принятия пищи, своеобразным медиатором между мирами или... предметом для катания детей в отдельные праздничные дни [17, 81-82]. Подобное превращение утилитарного предмета в определенных ситуациях в сакральный хорошо известно в традициях разных культур. Но для того, чтобы трактовать утилитарные признаки

предмета в целом или в определенной ситуации со структурно-мифологических позиций необходимо иметь научно верифицированные к тому основания в конкретном приложении к самому предмету.

1. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: ИПО СОИГСИ, 2010. Ч. 5. 766 ф. (на осет. яз.)
2. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: ИПО СОИГСИ, 2011. Ч. 6. 544 ф. (на осет. яз.)
3. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: Ирыстон, 2003. Ч. 1. 592 ф. (на осет. яз.)
4. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу, 2004. Ч. 2. 896 ф. (на осет. яз.)
5. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу, 2007. Ч. 4. 548 ф. (на осет. яз.)
6. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу, 2005. Ч. 3. 712 ф. (на осет. яз.)
7. Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. Альбом. М.: Издательство «Наука», 1973. 147 с.
8. Кузнецов В. А. Кавказская Алания. Запад – Восток. Историко-археологические очерки. Пятигорск: СНЕГ, 2019. 208 с.
9. Аржанцева И. А., Албегова З. Х. Культурные камни Кяфарского городища (еще раз о религиозном дуализме алан) // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 183-192.
10. Тугъанты М. Куыд куыстон Нарты кадджыты нывтыл // Мах дуг. 1949. №7. Ф. 39-42. (на осет. яз.)
11. Памятники народного творчества осетин. Составитель Т. А. Хамицаева. Владикавказ: Ир, 1992. Т. 1. Трудовая и обрядовая поэзия. 440 с.
12. Гарданти М. Уадзимистæ. Дзæуæгигъæу: Ир, 2007. 415 ф. (на осет. яз.)
13. Ёмбесæндтæ. Орджоникидзе: Ир, 1977. 189 ф. (на осет. яз.)
14. Пфаф В. Б. Этнологические исследования об осетинах // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Т. II. С. 80-144.
15. Маргграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М.: Типография С. В. Гурьянова, 1882. XL+288 с.
16. Магоматов А. Х. Культура и быт осетинского народа: историко-этнографическое исследование. Владикавказ: Ир, 2011. 432 с.

17. Туаллагов А.А. О некоторых археолого-этнографических параллелях // ALANICA. Сборник избранных статей доктора исторических наук А.А. Туаллагова. К 50-летию со дня рождения. Владикавказ, 2017. С. 39-122.
18. Кокиев С. Записки о быте Осетин // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском Этнографическом музее. М., 1885. Вып. I. С. 66-112.
19. Габуева О.А. Народные промыслы и художественные ремесла // Осетины. М.: Наука, 2012. С. 144-184.
20. Описание имущества «Реком», составленная особой комиссией под председательством Начальника Владикавказского округа 14-15 мая 1903 г. // Научный архив СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. 5 с.
21. Туаллагов А.А. Аланская деревянная посуда (по материалам Даргавсского могильника) // ALANICA. Сборник избранных статей доктора исторических наук А.А. Туаллагова. К 50-летию со дня рождения. Владикавказ, 2017. С. 123-162.
22. Албегова З.Х.-М., Малашев В.Ю. Погребение аланской культуры III в. н. э. с керамическим столиком // Российская археология. 2018. № 3. С. 23-35.
23. Туганов М.С. Литературное наследие. Орджоникидзе: Ир, 1977. 239 с.
24. Уарзиати В.С. Отражение осетино-адыгских контактов в традиционном жилище // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 107-114.
25. Уарзиати В.С. Культурно-исторический анализ осетинского столика «фынг» // Nartamongæ. 2005. Vol. III. № 1-2. С. 110-122.
26. Аржанцева И.А. Каменные крепости алан // Российская археология. 2007. № 2. С. 75-88.
27. Таказов Ф.М. Архетипы модели мира в мифо-фольклорной традиции осетин: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2020. 278 с.
28. Туаллагов А.А. Курганное аланское погребение у сел. Брут (Северная Осетия) // Археологический журнал. 2008. № 2. С. 26-53.
29. Ильюков Л.С. Назаровский комплекс из Нижнего Подонья: к вопросу о зороастризме у хазар // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 4. С. 28-39.
30. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М., 2008. 711 с.

Tuallagov, Alan A. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); alan167@mail.ru

ALANO-OSSETIAN FYNGS AND NART EPOS

Keywords: *wooden tables, archaeological and folklore data, the Alans, the Ossetians.*

The article is devoted to the analysis of the image of the traditional table (fyng) in the materials of the Nart epic of the Ossetians. The relevance of the problem under consideration is determined by the existence of the published extensive corpus of the Narts» sagas. This provision allows, on the one hand, to fully derive the characteristic features of this object, and, on the other hand, to compare them with the data of archeology and ethnography. The scientific novelty of the work consists in an interdisciplinary approach to research, which is provided, inter alia, by materials first brought to analysis. The purpose of the study is to identify the magical and objective design features of tables as household items in comparison with real Alanian tables and genetically related tables of the Ossetians. When conducting the research, methods of textual research of sources, descriptive, typological and comparative research methods were used for photographic fixation of the studied objects, inductive and logical analysis based on the principle of historicism and systematic presentation.

The study determined the presence in the epos of two types of ideas about the subject. The first endows it with magical properties of independent movement and providing treats when it is possible to increase the significance of the subject by attributing to it the manufacture of precious metals. The second reproduces the forms and structural details of the subject, which are reliably comparable with ethnographic and archaeological samples. Perhaps some of these details gave rise to ideas about some of the table»s magical abilities. In addition, archaeological materials provide illustrative examples of the use of certain types of wood in the manufacture of tables. The attempts to interpret the image of the table from a mythological position due to the symbolism of forms and numbers noted in scientific publications seem at least premature.

REFERENCES

1. *Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos* [Nart sagas: the Ossetian national epic]. Dzaudzhikau, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2010, b. 5. 766 p. (in Ossetian).
2. *Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos* [Nart sagas: the Ossetian national epic]. Dzaudzhikau, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2011, b. 6. 544 p. (in Ossetian).

3. *Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos* [Nart sagas: the Ossetian national epic]. Dzauzhikau, Iryston, 2003, b. 1. 592 p. (in Ossetian).
4. *Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos* [Nart sagas: the Ossetian national epic]. Dzauzhikau, 2004, b. 2. 896 p. (in Ossetian).
5. *Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos* [Nart sagas: the Ossetian national epic]. Dzauzhikau, 2007, b. 4. 548 p. (in Ossetian).
6. *Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos* [Nart sagas: the Ossetian national epic]. Dzauzhikau, 2005, b. 3. 712 p. (in Ossetian).
7. Kaloev, B. A. *Material'naya kul'tura i prikladnoe iskusstvo osetin. Al'bom* [Material culture and applied art of the Ossetians. Album]. Moscow, Nauka, 1973. 147 p.
8. Kuznetsov, V. A. *Kavkazskaya Alaniya. Zapad – Vostok. Istoriko-arkheologicheskie ocherki* [Caucasian Alania. East – West. Historical and archaeological essays]. Pyatigorsk, SNEG, 2019. 208 p.
9. Arzhantseva, I. A., Albegova, Z. Kh. *Kul'tovye kamni Kyafarskogo gorodishcha (eshche raz o religioznom dualizme alan)* [Cult stones of the Kyafar settlement (once again about the religious dualism of the Alans)]. *Drevnosti Severnogo Kavkaza* [Antiquities of the North Caucasus]. Moscow, 1999, pp. 183-192.
10. Tug'anty, M. *Kuyd kuyston Narty kaddzhyty nyvtyl* [How I worked on the paintings of Nart's sages]. *Makh dug* [Our epoch]. 1949, no. 7, pp. 39-42.
11. *Pamyatniki narodnogo tvorchestva osetin* [Monuments of folk art of the Ossetians]. Vladikavkaz, Ir, 1992, vol. 1. 440 p.
12. Gardanti, M. *Uadzimistæ* [Essays]. Dzauagighau, Ir, 2007. 415 p. (in Ossetian).
13. Æmbesændtæ [Proverbs]. Ordzhonikidze, Ir, 1977. 189 p. (in Ossetian).
14. Pfaf, V. B. *Etnologicheskie issledovaniya ob osetinakh* [Ethnological research on the Ossetians]. *Sbornik svedenii o Kavkaze* [Collection of information about the Caucasus]. Tiflis, 1872, vol. II, pp. 80-144.
15. Marggraf, O. V. *Ocherk kustarnykh promyslov Severnogo Kavkaza s opisaniem tekhniki proizvodstva* [Essay on the handicrafts of the North Caucasus with a description of production techniques]. Moscow, Tipografiya S. V. Gur'yanova, 1882. XL+288 p.
16. Magometov, A. Kh. *Kul'tura i byt osetinskogo naroda: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Culture and life of the Ossetian people: historical and ethnographic research]. Vladikavkaz, Ir, 2011. 432 p.
17. Tuallagov, A. A. *O nekotorykh arkheologo-etnograficheskikh parallelakh* [On some archaeological and ethnographic parallels]. *ALANICA. Sbornik izbrannykh statei doktora istoricheskikh nauk A. A. Tuallagova. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya* [ALANICA. Collection of selected articles of the

Doctor of Historical Sciences A. A. Tullagov. To the 50th birthday]. Vladikavkaz, 2017, pp. 39-122.

18. Kokiev, S. *Zapiski o byte Osetin* [Notes on the life of Ossetians]. *Sbornik materialov po etnografii, izdavaemyi pri Dashkovskom Etnograficheskom muzee* [Collection of materials on ethnography, published at the Dashkov Ethnographic Museum]. Moscow, 1885, iss. I, pp. 66-112.

19. Gabueva, O.A. *Narodnye promysly i khudozhestvennye remesla* [Folk crafts and artistic crafts]. *Osetiny* [Ossetians]. Moscow, Nauka, 2012, pp. 144-184.

20. *Opis' imushchestva «Rekom», sostavlennaya osoboi komissiei pod predsedatel'stvom Nachal'nika Vladikavkazskogo okruga 14-15 maya 1903 g.* [The inventory of property «Rekom», compiled by a special Commission under the chairmanship of the Chief of the Vladikavkaz district on May 14-15, 1903]. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsialnykh issledovaniy (NA SOIGSI)* [Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. Fund 6. Inventory 1. Case 2.5 p.

21. Tuallagov, A.A. *Alanskaya derevyannaya posuda (po materialam Dargavsskogo mogil'nika)* [Alanian wooden dishes (based on the materials of the Dargavs burial ground)]. *ALANICA. Sbornik izbrannykh statei doktora istoricheskikh nauk A.A. Tuallagova. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya* [ALANICA. Collection of selected articles of the Doctor of Historical Sciences A. A. Tullagov. To the 50th birthday]. Vladikavkaz, 2017, pp. 123-162.

22. Albegova, Z. Kh.-M., Malashev, V.Yu. *Pogrebenie alanskoj kul'tury III v. n. e. s keramicheskim stolikom* [Burial of the Alan culture of the III century ad with a ceramic table]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archeology]. 2018, no. 3, pp. 23-35.

23. Tuganov, M.S. *Literaturnoe nasledie* [Literary heritage]. Ordzhonikidze, Ir, 1977. 239 p.

24. Uarziati, V.S. *Otrazhenie osetino-adygskikh kontaktov v traditsionnom zhilishche* [Reflection of the Ossetian-Adyghe contacts in a traditional house] *Etnokul'turnye problemy bronzovogo veka Severnogo Kavkaza* [Ethnic and cultural problems of the Bronze Age of the North Caucasus]. Ordzhonikidze, 1986, pp. 107-114.

25. Uarziati, V.S. *Kul'turno-istoricheskii analiz osetinskogo stolika «fyng»* [Cultural and historical analysis of the Ossetian table «fyng»]. *Nartamongæ*, 2005, vol. III, no. 1-2, pp. 110-122.

26. Arzhantseva, I.A. *Kamennye kreposti alan* [Stone fortresses of the Alans]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archeology]. 2007, no. 2, pp. 75-88.

27. Takazov, F.M. *Arkhetipy modeli mira v mifo-fol'klornoj traditsii osetin*

[Archetypes of the world model in the mythological and folklore tradition of Ossetians]. Doctor dissertation (in Philology). Moscow, 2020. 278 p.

28. Tuallagov, A. A. *Kurgannoe alanskoe pogrebenie u sel. Brut (Severnaya Osetiya)* [Alanian burial mound near the village Brut (North Ossetia)]. *Arkheologicheskii zhurnal* [Archaeological Journal]. 2008, no. 2, pp. 26-53.

29. Il'yukov, L. S. *Nazarovskii kompleks iz Nizhnego Podon'ya: k voprosu o zoroastrizme u khazar* [Nazarovsky complex from the Lower Don region: to the question of Zoroastrianism among the Khazars]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University]. Series 4, History. Regional studies. International relations. 2017, vol. 22, no. 4, pp. 28-39.

30. Chibirov, L. A. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [Traditional spiritual culture of the Ossetians]. Moscow, 2008. 711 p.